

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

А.А. Орлов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Образ Западной Европы в сознании русских писателей XIX века: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой

Произведения знаменитых русских писателей XIX в. (Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) могут быть проанализированы как исторический источник, поскольку это были ответы русской литературы на вопросы, порожденные кризисами развития России в 1830–1860-х гг. Но это, конечно, были разные ответы, что обусловлено особенностями таланта и временем творческой деятельности названных писателей. Процесс осмысления идейного наследия Западной Европы начался с огромного интереса к способности британцев двигаться вперед, сохраняя уникальное национальное лицо (Гоголь). Творчество Гончарова занимает на этом пути положение связующего звена между Гоголем и Толстым. Гончарову не представляется опасным копирование британских достижений во внешних связях, в колониальной борьбе, в процессе развития и использования средств материального производства. Но, с его точки зрения, русскому у себя дома, на родине, следует, прежде всего, стать самостоятельным человеком, пытаться, насколько возможно, совместить в себе Обломова и Штольца. Процесс осмысления идейно завершился в сочинениях Толстого, где русским предлагалось на основе западного опыта двигаться дальше, прокладывать

© Орлов А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

собственные пути национального развития. Толстой со всей силой своего таланта призывает отказаться от некритического следования за Западом, что неизбежно приведет к утрате русскости, и тогда уже не может быть и речи о России как части человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Западная Европа XIX в., обобщенный образ англичанина, обобщенный образ француза, обобщенный образ немца (германца), национальные стереотипы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орлов А.А. Образ Западной Европы в сознании русских писателей XIX века: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 121–140. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

A.A. Orlov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The image of Western Europe in the minds of Russian writers of XIX century: Nikolai Gogol, Ivan Goncharov, Leo Tolstoy

Works of famous Russian writers of the XIX century (N.V. Gogol, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy) can be analyzed as a historical source, since these were the answers of the Russian literature to questions generated by the crises of the development of Russia in the 1830–1860s. But these, of course, were different answers, due to the peculiarities of the talent and the time of the creative activity of these writers. The process of comprehending the ideological heritage of Western Europe began with a great interest in the ability of the British to move forward while maintaining a unique national identity (Gogol). Goncharov's work occupies the position of a link between Gogol and Tolstoy on this path. Goncharov does not find it dangerous to copy British achievements in foreign relations, in the colonial struggle, in the process of development and use of the means of material production. But, from his point of view, a Russian at home, in his Homeland, should, first

of all, become an independent person, trying, as far as possible, to combine Oblomov and Stolz in himself. The process of comprehending ideologically ended in the writings of Tolstoy, where the Russians were asked, on the basis of Western experience, to move on, to pave their own paths of national development. Tolstoy, with all the strength of his talent, calls for a refusal to uncritically follow the West, which will inevitably lead to the loss of Russianness (Russkos't), and then there can be no question of Russia as a part of human civilization.

Key words: N.V. Gogol, I.A. Goncharov, L.N. Tolstoy, Western Europe of the XIX century, generalized images of an Englishman, generalized images of an Frenchman, generalized images of an German (Nemetz), national stereotypes

FOR CITATION: Orlov A.A. The image of Western Europe in the minds of Russian writers of XIX century: Nikolai Gogol, Ivan Goncharov, Leo Tolstoy. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 121–140. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-121-140

Произведения знаменитых русских писателей XIX в. (Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого) могут быть проанализированы как исторический источник, поскольку это были ответы русской литературы на вопросы, порожденные кризисами развития России в 1830–1860-х гг. Но это, конечно, были разные ответы, что обусловлено особенностями таланта и временем творческой деятельности названных писателей.

Гоголь в 1830–1840-е гг. особенно интересовался путями сохранения гармонии в человеческой душе. Он искал гармонию повсюду с помощью художественного творчества. В повести «Невский проспект» (сборник «Арабески», 1835 г.) Гоголь поставил точку на увлечении немецкой философией и немецким образом жизни. Здесь для него не было откровения, не было пути к гармонии (подробнее об этом см. [10]). Вообще, чем больше он узнавал какую-либо западноевропейскую страну, тем больше в ней разочаровывался. Это касается даже обожаемой им Италии, хотя и в меньшей степени, чем Германии, Швейцарии или Франции. Гармоничного соединения общества и государства, человека и общества нигде не отыскивалось. *Европа поразит с первого разу, когда въедешь в ворота, в первый город. Живописные домики, которые то под ногами, то над головою, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающий вместе с виноградом стены и ограды, все*

*это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имеет этого, но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо, – писал Гоголь Н.Я. Прокоповичу в 1836 г.*¹

Франция поразила Гоголя бестолковой суетой и политическими дразгмами. От житейского мусора скрыться было невозможно. *Жизнь политическая, жизнь, вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливым праздным, как мы с тобою, – писал он Прокоповичу. – Здесь все политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякий хлопочет, нежели о своих собственных*². По словам литературного критика П.В. Анненкова, Гоголь «не любил... французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил, “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”»³. С Францией как с возможным идеалом гармонии писатель тоже распрощался, поскольку, в отличие от многих современников, успел «освободиться от суетных волнений своей эпохи и поставить себе опережающие ее задачи»⁴.

Англию Гоголь не посетил, возможно, сознательно, хотя такое намерение у него было [5, с. 174]. О стране он судил, прежде всего, по ее искусству и наукам, по интенсивности и насыщенности религиозной жизни, по людям, увиденным на дорогах и в городах Европы, по тем благам жизни (*комфортам*, по его выражению), которые Англия за высокую плату обеспечивала себе и миру, и, наконец, по стереотипам, сформировавшимся в сознании русского человека. Но в чем-то Гоголь, как внимательный и мудрый наблюдатель, отошел от этих стереотипов, сумев предугадать главные направления будущего развития Англии, а, значит, и всей Европы.

Представления Гоголя об Англии и англичанах складывались постепенно из разных кусочков этого трудного пазла. В «Невском проспекте» он отметил деловитость, индивидуализм и практичность англичан. Он на собственном опыте убедился в том, что британцы обладают

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 143, № 69.

² Там же. С. 151, № 72.

³ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 2015. С. 36.

⁴ Там же. С. 173–174.

тонким художественным вкусом и техническими навыками. Что это, как не гармония духа и тела, возвышенного и материального?⁵

В петербургский период жизни Гоголь ежедневно получал доказательства такой идеи. Да и где, как не в Петербурге (главном центре масштабной русско-английской морской торговли⁶) было убеждаться в этом. В письме матери от 30 апреля 1829 г. он извиняется: *не забыл моего обещания касательно [покупки для подруги семьи Александры Фёдоровны] филейных иголок, но в британском магазине они все вышли, а русских я не хочу покупать; чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее*⁷. В письме к А.С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. читаем: *В здешних (т.е. петербургских. – А.О.) магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и всё совершенное объядение* (так в тексте. – А.О.)⁸. Один из героев пьесы «Женитьба» (1842 г.), бывший моряк Бальтазар Бальтазарович Жевакин, с восторгом описывает свой мундир из превосходного английского сукна⁹. *Важное аглицкое сукно, из которого сшит фрак Хлестакова и которое тот не ценит (рублём полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать)* упоминает слуга Осип в «Ревизоре»¹⁰.

Русские помещики и чиновники, такие, как они появляются в «Ревизоре» (1836 г.) и в первом томе «Мертвых душ» (1842 г.), сами не способны ни к каким переменам и не в состоянии изменить жизнь своих

⁵ В неопубликованной статье «О поэзии [И.И.] Козлова» (написана в 1831–1833 г., 1-я публ. – 1890 г.) Гоголь, например, характеризовал Байрона как творца, охватившего гигантскую мрачную душою всю жизнь мира и... дерзостно посмеявшимся над нею, может быть, от бессилия передать ее индивидуальную светлость и величие (Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 6. Статьи. М., 1967. С. 18). Гоголь удивляется подвигу *этой гордо-одиноким души, исполнински замышлявшей заключить в себе в замену отвергнутого собственный, ею же созданный, нестройный и чудный мир и, обвившись около нее, горько улыбнуться уже несуществующей для нее прежней Илиаде жизни* (Там же, с. 18). Напротив, творчество В. Скотта Гоголь оценивал как животворящее явление. В статье «Об архитектуре нашего времени» («Арабески», 1835) он писал: *Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С этого времени она быстро распространилась. В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. <...> Могуцественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все* (Там же, с. 86).

⁶ Неболсин Г.[П.] Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 2. СПб., 1835. С. 92–93. См. также [13, с. 35–37, 67, 481].

⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 58, № 11.

⁸ Там же. С. 72, № 19.

⁹ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 4. Драматические произведения. М., 1967. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 27.

крестьян. Им в этом не поможет даже английский опыт. Те элементы английского опыта, которые были все же внедрены в сознание русских в период правления Александра I, или остались мертвым грузом, или осмыслены по-своему. В черновых отрывках к отдельным главам «Мертвых душ» описано, как чиновники города обсуждают приезд Чичикова, воспринимая его как значительную особу. «Господа», сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, «я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете»¹¹. Тройное употребление слова *понимаете* и сочетание парламента с плотной русской закуской должны показать читателям – вот что по-настоящему важно для этих людей.

В художественном плане Гоголь показал значение Англии для России в образах капитана Копейкина и встреченной им в Петербурге прекрасной англичанки. Офицер, потерявший руку и ногу во время наполеоновских войн и не получивший помощи на родине, видит англичанку (*стройную... как лебедь*¹²), пытается следовать за ней, но убеждается в том, что сделать этого не может. Англичанка – пример гармонии и, чтобы добиться ее, русский должен также стать гармоничным человеком.

В научном плане роль Англии оценена Гоголем в статье «О преподавании всеобщей истории» (1834 г.). В ней сказано: *островитяне британские... наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX в., Наполеон, и уже действует другим орудием: совершенно военным деспотизмом... Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегает на гибель свою, вторгнувшись в Россию... И Россия, сокрушившая этого исполина о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своем огромном северо-востоке. <...> Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливать даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его*

¹¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в четырнадцати томах. М.-Л., 1951. Т. 6. Мертвые души. Том первый. С. 639.

¹² Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 5. Мертвые души. М., 1967.. С. 563.

еще ужаснее и благодетельнее...¹³. Здесь явно слышится переключка с «английским сюжетом» из «Повести о капитане Копейкине», а Гоголь проявляет себя глубоким мыслителем и тонким наблюдателем современных ему событий.

Важнейший для Гоголя в конце 1840-х гг. вопрос прозвучал в его неотправленном письме В.Г. Белинскому: в чем значение для России достижений европейской цивилизации и в чем, собственно говоря, заключаются эти достижения? *Какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуть под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен (житель фаланстера. – А.О.), и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призраком, который точно <никто> покуда не видел, и ежели <пытались ее> хватать руками, она рассы<пается>. И прогресс, он тоже был, пока о нем не дум<али, когда же?> стали ловить его, он и рассыпался¹⁴. Но все же у Гоголя было собственное представление о ценности западной цивилизации, лидирующие позиции в которой (он это видел, в отличие от многих русских, видевших таким лидером Париж) занимала Англия. В письме Анненкову из бельгийского Остенде от 7 сентября (н. ст.) 1847 г. Гоголь убеждал своего корреспондента: *сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих над действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюдениях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам необходимо туда съездить, и не то, чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс **пролетариев** (здесь и далее выделено в тексте. – А.О.), изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никого из них¹⁵. В Англии Гоголь видел разумное слитие того, что доставила человеку высшая **гражданственность**, с тем, что составляет первообразную **патриархальность**...¹⁶.**

¹³ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 6. Статьи. М., 1967. С. 52.

¹⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 360.

¹⁵ Там же. С. 321, № 146.

¹⁶ Там же. С. 322, № 146.

Вот главный вопрос, который волновал мыслящее русское общество на рубеже 1840–1850-х гг. Что позволяет Англии развиваться эволюционно, а не революционно, можно ли воспользоваться британским опытом и при этом не потерять свое национальное лицо?¹⁷

Должен был ответить на эти вопросы и Гончаров. Все его романы, и первый, в том числе, являются таким ответом. Главные герои «Обыкновенной истории» (1847 г.) – дядя и племянник, Пётр Иванович и Александр Фёдорович Адуевы – ведут постоянный диалог о том, как следует жить современному русскому человеку. Пётр Иванович – порождение XIX в., он успешный делец (совладелец стеклянного и фарфорового заводов), все страсти у него находятся *под деспотическим правлением ума*, он циник и скептик (*ледян до ожесточения*, его девиз – все свято, чего требует от человека XIX в., а требуется, прежде всего, кипучая умственная деятельность и энергия)¹⁸. Александр в начале романа – наивный восторженный юноша, прилежно учившийся в губернской гимназии множеству разных наук и иностранных языков (древних и новых), благородный мечтатель, поклонник идеальной женской красоты. Он приезжает в Петербург для того, чтобы стать писателем, т.е. тем, кто вносит поэзию и благородство в обыкновенную жизнь обыкновенных людей¹⁹.

Дядя старается унять восторги своего племянника, настойчиво призывая его: *надо дело делать* (выделено в тексте. – А.О.)²⁰. Но то, что он ему предлагает (получение выгодного места, бюрократическая работа в департаменте, грамотное переписывание официальных бумаг по-русски (*теперь пока это нужнее всего*), перевод с немецкого языка важных статей о наёме (т.е. о навозе) и картофельной патоке²¹, никак не может устроить Александра. Он пробует творить, писать, сочиняет повесть из американской жизни (ее не приняли к печати), потом пишет повесть

¹⁷ По свидетельству историка литературы С.П. Шевырёва (автора фразы «загнивающий Запад»), который летом 1852 г. привез оставшиеся после смерти Гоголя бумаги в его родную Васильевку, «крестьяне Васильевки и козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и император Николай Павлович, чтоб скрыть его от врагов, слал в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив» [цит. по: 6, с. 16]. Так уже мертвый Гоголь выполнял важную идейную задачу – соединял две исторические эпохи развития России (александровскую и николаевскую), вырывая англомана Александра I из цепких объятий Европы и возвращая его на родину, преобразованную патриотом Николаем I.

¹⁸ Гончаров И.А. Обыкновенная история. Роман в двух частях. Воронеж, 1994. С. 29–30, 40, 177, 220, 308–309.

¹⁹ Там же. С. 12, 55, 68, 177.

²⁰ Там же. С. 175. Об этом же см.: с. 48, 259, 263.

²¹ Там же. С. 49, 55, 69, 70, 72–73, 78.

совсем в другом роде, из деревенской тамбовской жизни, и ее постигает та же участь²². Повесть, по совету дяди, сожжена в камине²³, прекрасные мечты развеялись, представления об идеальных женщинах медленно, но верно превращаются в прах. В конце концов, Александр полностью теряет веру в себя и покидает Петербург. Он стремится скрыться в деревне. *О, провинция! о, Азия! На Востоке бы тебе жить*, – такими словами напутствует его дядя²⁴.

Но тот европейский «сладкий яд», который уже впитала в себя русская душа, не дает Александру успокоиться в деревне. Его снова тянет в Петербург. На взгляд автора, это поступок незрелого, несамостоятельного человека, так и не обретшего внутренний стержень. Чтобы подчеркнуть важную мысль, Гончаров вкладывает слова о том, почему удобнее жить в большом городе, в уста Евсея – крепостного слуги Александра. В ответ на расспросы соседа Адуевых по имению Антона Ивановича о том, чем и как живут петербуржцы, Евсей по простоте душевной выкладывает: *Все в лавочке есть; а чего нет в лавочке, так тут где-нибудь в колбасной есть; а там нет, так в кондитерской; а уж чего в кондитерской нет, так иди в аглицкий магазин: у французов все есть!*²⁵ В том-то и дело, что все необходимое для русского человека могут поставить ему «французы» из аглицкого магазина.

Духовные искания переломного для Европы периода конца 1840-х – начала 1850-х гг. заставили Гончарова отправиться в морское путешествие на фрегате «Паллада». Путевые заметки стали основой для книги очерков, изданной в 1858 г. Это было время подготовки «великих реформ» Александра II, время, когда русскую жизнь выстраивали по новым лекалам, опыт изготовления которых взять было негде, кроме как на Западе и, прежде всего, в Англии.

Гончаров, в отличие от Гоголя, лично побывал в Англии. Здесь, прежде всего, он отказался от избитых стереотипов, желая дать своим читателям живой образ страны и ее жителей. *Пишите, говорите вы, так, как будто мы ничего не знаем. – Пожалуй; но ведь это выйдет вот что: «Англия – страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом; говорят гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полям и лесам, а летом собираются в кучу; они угрюмы, молчаливы, малосообщительны. По воскресеньям ничего не делают, не говорят, не смеются, важничают, по утрам сидят*

²² Гончаров И.А. Обыкновенная история. Роман в двух частях. Воронеж, 1994. С. 119–120.

²³ Там же. С. 212–213.

²⁴ Там же. С. 162.

²⁵ Там же. С. 328.

в храмах, а вечером по своим углам, одиноко и напиваются порознь; в будни собираются, говорят длинные речи и напиваются сообща». Это описание достойно времен кошихинских, скажете вы, и будете правы, как и я буду прав, сказав, что об Англии и англичанах мне писать нечего, разве вскользь, говоря о себе, когда придется к слову²⁶.

Так Гончаров предупредил читателей о том, что представит им страну через призму собственных, т.е. русских, ценностей. В связи с этим, его главной целью во время пребывания в Англии было бродить среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь²⁷. Чем смотреть на сфинксы и обелиски, мне лучше нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг у друга руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; смотреть их походку или какую-то иноходь и эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения или, по крайней мере, холодности к другому, но благоговения к толпе, т.е. к обществу, – писал Гончаров²⁸. Но вот живой души народа он и не увидел. (Противоположное мнение см. [7, с. 14]). В Англии не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина. Незаметно, чтобы общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала, безусловную прелесть которого общество должно чувствовать непрестанно и непрестанно чувствовать тоже и потребность наслаждаться им. Здесь, напротив, видно, что все это есть потому, что оно нужно зачем-то, для какой-то цели. <...> Эти добродетели приложены там, где их нужно, и вертятся как колеса, оттого они лишены теплоты и прелести. <...> Добродетель лишена своих лучей; она принадлежит обществу, нации, а не человеку, не сердцу. <...> Призадумайтесь над репутацией умного, делового, религиозного, нравственного и свободного народа²⁹. Расхождение между стереотипом и реальностью оказалось настолько глубоким, что Гончаров не смог сравнить англичан ни с одним европейским народом, воспользовавшись метафорой корабельного священника отца Аввакума (Д.С. Честного), долго жившего в Китае (о нем подробнее см. [1]), который сравнил англичан с китайцами по мелочной, микроскопической деятельности, по стремлению к торговашеству и по некоторым другим причинам³⁰.

²⁶ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 39.

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 52, 53.

³⁰ Там же. С. 48.

Тем не менее, англичане смогли подчинить своему влиянию весь мир, причем не с помощью завоевания, а благодаря купеческим талантам. Книга Гончарова начинается с описания образа вездесущего английского купца (*не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонического огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках*), который *властвует в мире над умами и страстями*³¹. В океане, в мгновенных встречах, тот же образ *виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: «Rule, Britannia, upon the sea»*³². Я *видел его в песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы... Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!*³³

Общим местом в отечественной историографии стало утверждение о неприятии Гончаровым английского империализма, жестоко эксплуатирующего труд миллионов людей по всему земному шару [8; 9]. Основания для таких утверждений, безусловно, есть. Американка Энн Тайлер даже назвала его ярым русским националистом, «фанатичным, одержимым ксенофобом» (bigoted, obsessive xenophobe) [17]. Но, читая «Фрегат “Паллада”», невозможно не заметить, что Гончаров оценил огромное значение цивилизаторской миссии Великобритании. Так, например, описывая труд негров на кофейных плантациях на о. Сантьяго из группы о-вов Зелёного Мыса (*царство дремоты, которая сковывает энергию, ум, чувство и обращает все живое в подобие камня*³⁴), он *видел и англичан, но те не лежали, а куда-то уезжали верхом на лошадях: кажется, на свои кофейные плантации... Это всё богатыри, старающиеся разбудить спящую красавицу*³⁵.

Цивилизаторская миссия англичан, где бы она не осуществлялась, полезна для творческих и деятельных людей всего мира, в т.ч. и для русских. Нельзя всю жизнь пребывать в состоянии самоуспокоенности. *Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнят человека, не поглотят внимания: остается большая пустота. Для*

³¹ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 14.

³² ‘Властвуй, Британия, над морями’ (англ.). Неточная цитата начала патриотической песни (ставшей морским гимном страны) «Ode in Honour of Great Britain»: *Rule, Britannia, rule the waves; / Britons never will be slaves!*

³³ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 14–15.

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Там же. С. 116.

того же, чтобы испытывать глубже новое, не похожее ни на что свое, нужно, чтоб тут же рядом для сравнения была параллель другой, развитой жизни³⁶, – писал Гончаров. Но не забыл и добавить: европейцы меняют природу и быт дикарей везде примерно одинаково, однако в Сибири это сделать труднее, чем на островах с теплым климатом. Создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом³⁷. (Подробнее об этом см. [16].)

Трудно поверить, что слова о невозможности пребывать всю жизнь в природном состоянии сказаны автором романа «Обломов». Тем не менее, это так. За границами своей родины русский может и даже должен вести себя как другие колонизаторы, но дома он имеет возможность так не поступать. Все домашние условия формирования русского человека отличны от того пути, по которому прошли западные народы. В главе IX первой части романа («Сон Обломова») автор описывает застойный и прекрасный мир русской деревни, где тишина и невозмутимое спокойствие царствуют... в нравах людей³⁸.

Надо признаться, что, если бы русского человека (как, вероятно, и всякого другого) предоставили самому себе, он никогда бы не вышел из уютных рамок застойного существования. Для этого просто не было никаких внутренних побудительных причин. Поэт и мечтатель не остались бы довольны даже общим видом этой скромной и незатейливой местности, – писал Гончаров. – Не удалось бы им там видеть какого-нибудь вечера в швейцарском или шотландском вкусе, когда вся природа – и лес, и вода, и стены хижин, и песчаные холмы – все горит точно багровым заревом; когда по этому багровому фону резко оттеняется едущая по песчаной извилистой дороге кавалькада мужчин, сопровождающих какой-нибудь леди в прогулках к угрюмой развалине и поспешающих в крепкий замок, где их ожидает эпизод о войне двух роз, рассказанный дедом, дикая коза на ужин, да пропетая молодой мисс под звуки лютни баллада – картины, которыми так богато населило наше воображение перо Вальтера Скотта. Нет, ничего этого не было в нашем краю³⁹ (подробнее об этом см. [3]; для сравнения: [15, с. 60–61]).

Обломов – джентльмен на русский манер и старого закала барин⁴⁰, чистая, хрустальная душа, он нужен автору для того, чтобы показать читателям всю опасность насильственного изменения человека и мира

³⁶ Гончаров И.[А.] Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб., 2018. С. 554.

³⁷ Там же. С. 724–725.

³⁸ Гончаров И.[А.] Обломов. Роман в четырех частях. М., 2008. С. 89.

³⁹ Там же. С. 88.

⁴⁰ Там же. С. 153.

вокруг него⁴¹. Сам же он не в состоянии бороться за будущее. Это сделает Андрей Штольц – человек, в характере которого смешались русские (от матери) и немецкие черты. Он тоже способен мечтать, но способен и воплощать свои мечты в жизнь. Штольц полностью готов к борьбе и знает, кто его главный противник. Он *весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь*⁴².

От этого идеала Гончаров не отказался и в последнем своем романе «Обрыв» (1869 г.). Тут возникает новое воплощение Александра Адуева и Обломова – художник, поэт, философ (не ставший, в конце концов, ни тем, ни другим, ни третьим) Борис Павлович Райский. Разочаровавшись, подобно его литературным предшественникам, в Петербурге, он уезжает в деревню и встречается там ссыльного нигилиста Марка Ивановича Волохова. В изображении Гончарова – это дикий зверь, в минуту опасности становящийся похожим на беспощадного волка-убийцу⁴³. Волохов готов уничтожить Райского или любого другого человека, который встанет у него на пути. Пасует он лишь перед Иваном Ивановичем Тушиным, владельцем имения «Дымок», спрятанным в лесной глуши (отсюда прозвище хозяина – Лесничий) и обозначенным только дымом из печных труб⁴⁴.

Тушин (отметим совпадение фамилий персонажа романа Гончарова и толстовского капитана Тушина⁴⁵) – это истинно русский человек (*чистый самородок, как слиток благородного металла*⁴⁶), рыцарь, защитник, богатырь, рачительный хозяин, правящий лошадьми на опасных поворотах, как олимпийский бог. В Тушине Райский увидел *равновесие силы ума с суммою тех качеств, которые составляют силу души и воли, что и то, и другое, и третье слито у него тесно одно с другим и ничто не выдается, не просится вперед, не сверкает, не ослепляет, а тянет к себе медленно, но прочно*⁴⁷. Вместе с тем, при первом появлении Тушина на страницах романа, автор подает нам знак: Лесничий одет в английский макинтош⁴⁸. Что это значит? А значит это то, что он правильно, с точки зрения Гончарова, англазирован, поскольку ведет свое хозяйство с применением самых передовых западных методов. Лесные богатства вовремя восполняются, срубленный лес перерабатывается

⁴¹ Гончаров И.[А.] Обломов. Роман в четырех частях. М., 2008. С. 405.

⁴² Там же. С. 139.

⁴³ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 576, 659, 661, 700.

⁴⁴ Там же. С. 718–724.

⁴⁵ Подробнее об изображении народного характера у двух писателей см. [2].

⁴⁶ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 728.

⁴⁷ Там же. С. 729.

⁴⁸ Там же. С. 447.

машинным способом на паровом пильном заводе, доски отправляются водой до Петербурга и за границу (вспомним, что Пётр Иванович Адудев только мечтал о заграничном сбыте продукции своих заводов), рабочие объединены в артель, трудятся вместе с хозяином и полученные доходы распределяют совместно, крестьяне получают справедливое жалованье, в имении заведена исправительная полиция для *разбора мелких дел у мужиков*, а также учреждения вроде банка, больницы, школы⁴⁹. Словом, в этой *простой, русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он* (Райский. – А.О.) *видел какого-то заволжского Роберта Оуэна!*⁵⁰

Но Гончаров, чувствуя идеалистичность нарисованной картины, сам поправил ее антитезой. (Оттенок горькой насмешки звучит и в сравнении Тушина с Оуэном, пережившим полный крах своих предприятий и умершим в бедности в 1858 г.) Антитезой практического «западничества» Тушина является завершающий роман рассказ о поездке Райского в Англию и во Францию. *Райский пробыл в Англии всего две недели – и не успел даже ахнуть от изумления – подавленный грандиозным оборотом общественного механизма жизни – и поспешил в веселый Париж. Он видел по утрам Лувр, а вечером мышиную беготню, веселые визги, вечную оргию, хмель крутящейся вихрем жизни и унес оттуда только чад этой оргии, не давшей уложиться поглубже наскорю захваченным из этого омута мыслям, наблюдениям и впечатлениям*⁵¹.

Если мы обратимся к великому роману Л.Н. Толстого «Война и мир» (1868–1869 гг.), то увидим, что здесь практически ничего не сказано о роли Британии в наполеоновских войнах. В романе Британия и британцы упоминаются всего три-четыре раза, не больше. Причем складывается впечатление, что Британия была тогда противником России, а не союзником. С первых же страниц задано резко отрицательное отношение к этому государству. Во время беседы блестящего и пустого аристократа князя Василия Сергеевича Курагина с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны (матери Александра I) Анной Павловной Шерер в июле 1805 г. заходит разговор о создании третьей антифранцузской коалиции. Для подготовки договора в Лондон был послан член «Негласного комитета» Н.Н. Новосильцев (Новосильцов). Принципиально важная конвенция, заключенная с британским премьер-министром

⁴⁹ Гончаров И.[А.] Обрыв. Роман. СПб., 2019. С. 726, 728–729, 732–733.

⁵⁰ Там же. С. 734.

⁵¹ Там же. С. 766.

У. Питтом Младшим 30 марта / 11 апреля 1805 г., станет основой не только этой, но и всех последующих коалиций [11, с. 18–23]. Многие современники оценивали тогда этот документ как «более обширный и многозначительный по своему содержанию» из всех договоров, когда-либо соединявших державы против Франции [14, с. 204]. Тем не менее, Толстой устами Шерер (в черновиках романа специально подчеркнуто: она живет и мыслит только умом своей высокой покровительницы [4, с. 15]) говорит о том, что поездка Новосильцева в Лондон окончилась безрезультатно и Англия проявила эгоизм, отказавшись эвакуировать войска с о. Мальта.

Более того, читателю дается принципиальная установка: Англия всегда ведет себя предательски, даже когда дело касается блага Европы – борьбы против диктатора Наполеона. *В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась*⁵². Она отказывалась верить в то, что союзники (Австрия, Англия и Пруссия) искренне и деятельно поддержат Россию. *Россия одна должна быть спасительницей Европы. <...> На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?.. Англия со своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочет видеть, ищет заднюю мысль наших действий. Что они сказали Новосильцову?.. Ничего. Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, который ничего не хочет для себя и все хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали, и того не будет!*⁵³

Такая идейная заданность сцены в салоне появилась уже в самом первом варианте романа [Там же, с. 14]. Но если в ней мы еще можем уловить нотку иронии автора по поводу изрекаемых Шерер высокопарных истин, то дальше мысль о предательском характере политики Англии усиливается и развивается.

При описании кутежа гвардейских офицеров с участием английского моряка Стивенса автор изображает его, а также холодного и жестокого семеновского офицера Фёдора Ивановича Долохова (о нем будет сказано ниже) как организаторов зловещего пари. Долохов должен сыграть в самоубийственную игру – выпить бутылку рома, сидя на покатоном выступе стены за окном третьего этажа и не держась при этом за края окна. Игра, к ужасу присутствовавших, началась. *Англичанин, выпятив вперед губы, смотрел сбоку*⁵⁴. Долохов смог выполнить условие

⁵² Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. М., 1953. С. 7.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 42.

смертельного пари, и Стивенс, с интересом наблюдавший за опасной игрой (*стоял впереди всех, потом ловко поймал брошенную ему пустую бутылку*), молча отсчитал 50 золотых имперIALов⁵⁵. Аллегория здесь более чем ясна: Англия сознательно горячит кровь храбрецов, а после покупает их, чтобы использовать в своих интересах.

Но еще хуже коварных англичан изображены Толстым русские люди, сознательно отказавшиеся от русскости. Так, например, произошло с М.М. Сперанским, награжденным автором крайне нелицеприятной характеристикой. Писатель отмечает самоуверенность его *неловких и тупых движений*, полузакрытые и несколько влажные глаза, ничего не значащую улыбку (когда она исчезает, лицо много от этого выигрывает), тонкий, ровный, тихий голос, необыкновенную (болезненную) белизну лица и рук⁵⁶. У Толстого эта белизна всегда признак нежизненности, мертвечины. Сперанский говорит тихо и учтиво, но каждая фраза выдает презрительное отношение к людям, которых он считает всего лишь послушными орудиями своей воли. К князю Андрею Болконскому он проявляет несколько бóльший интерес, чем к другим, но это объясняется желанием подчинить его себе и также сделать своим адептом, членом узкого круга приближенных (*petit comité*).

Главным свидетельством членства становится приглашение на обед в дом Сперанского перед новым (1810-м) годом. Начало года должно было ознаменоваться торжеством политики реформатора. В действие предполагалось ввести разработанные им законы («конституцию», по выражению Толстого) и начать заседания нового органа (почти что парламента!) – Государственного совета. Поэтому Сперанский встречает князя Андрея как победитель. Но гость сразу чувствует фальшь в словах и поведении собравшихся в *паркетной столовой небольшого домика [у Таврического сада], отличавшегося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту)*⁵⁷. Он пробует вступить в разговор, но неудачно: *Всякий раз его слово выбрасывалось вон, как пробка из воды; и он не мог шутить с ними вместе. Ничего не было дурного или неуместного в том, что они говорили, все было остроумно и могло бы быть смешно; но чего-то того самого, что составляет соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бывает*⁵⁸. Толстой рисует картину фальшивого представления, где либералы-западники ведут себя как куклы, заведенные и пущенные в пляс умелым механиком. Князь

⁵⁵ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 42–46.

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 546.

⁵⁷ Там же. С. 592.

⁵⁸ Там же. С. 593.

Андрей не хочет быть куклой и с облегчением покидает этот уютный театрчик человеческой самоуверенности и тщеславия.

Примером самоуверенного русского, ведущего себя как немец, является дипломат Билибин – секретарь посольства в Вене, с которым князь Андрей встречается в Брюнне после боя под Кремсом (30 октября [н. ст.] 1805 г.) и победы русских над войсками французского маршала Э.-А.-К. Мортье. Билибин очень работоспособен (*иногда проводил ночи за письменным столом*⁵⁹), но при этом его совершенно не интересует конечный смысл работы, он трудится механически. Разговор Билибина остроумен и интересен, но это не отражение живой мысли и внимания к собеседнику, а заранее заготовленные во *внутренней лаборатории* остроумные законченные фразы, словечки, остроты (*les mots*), имеющие *общий интерес*⁶⁰. Его желтое (в черновиках опять читаем: необыкновенной белизны) лицо, покрытое крупными морщинами (не лицо, а личина, если не сказать, маска), лучится (кривится) напускным весельем даже тогда, когда он произносит циничные речи про мизерное политическое значение кровавых побед *православного российского воинства* (последнее выражение произносится им в беседе с князем Андреем специально по-русски и с презрительной интонацией)⁶¹. Билибин – глава кружка молодых дипломатов, которых он называет *наши* (*les nôtre*), отделяя их и себя от всего остального человечества⁶². «Наши» – это с ужасом уловленное Толстым в российской атмосфере 1850–1860-х гг. ощущение начала атомизации общества, вступающего в эпоху бурного развития капитализма по западному образцу.

Хуже Сперанского и Билибина в романе представлен только Долохов. Он для Толстого, как и Волохов для Гончарова – человек-зверь, человек-дьявол, не затронутый европейской цивилизацией и поэтому похожий, скорее, на азиата. Исследователи уже отмечали коннотацию фамилии Долохов со словом «холод». Вспомним, что в средневековой христианской традиции холод означал реальное присутствие дьявола [12, с. 190]. Здесь Толстой изображает Робинзона наоборот, и мы можем ужаснуться, представив, что такой дикарь будет делать, вернувшись на родину.

XIX век породил слишком много подобных героев, готовых поставить на карту судьбу мира ради удовлетворения своего гипертрофированного честолюбия. Толстому необходимо было показать всю опасность

⁵⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 197.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1953. Т. 1. С. 197–201.

⁶² Там же. С. 202–205.

и, в то же время, все нравственное ничтожество европейских «дикарей». С его точки зрения, для русского человека (европейца по воспитанию и мироощущению) галломания, англomanия или германофилия – опасная болезнь, но азиатчина – неизбежная смерть.

Итак, мы видим, что процесс осмысления идейного наследия Западной Европы в русской классической литературе 1830–1860-х гг. начался с огромного интереса к способности британцев двигаться вперед, сохраняя уникальное национальное лицо (Гоголь). Творчество Гончарова занимает на этом пути положение связующего звена между Гоголем и Толстым. Гончарову не представляется опасным копирование британских достижений во внешних связях, в колониальной борьбе, в процессе развития и использования средств материального производства. Но, с его точки зрения, русскому у себя дома, на родине, следует, прежде всего, стать самостоятельным человеком, пытаясь, насколько возможно, совместить в себе Обломова и Штольца. Процесс осмысления идейно завершился в сочинениях Толстого, где русским предлагалось на основе западного опыта двигаться дальше, прокладывать собственные пути национального развития. Толстой со всей силой своего таланта призывает отказаться от некритического следования за Западом, что неизбежно приведет к утрате русскости и тогда уже не может быть и речи о России как части человеческой цивилизации.

Библиографический список / References

1. Архимандрит Августин (Никитин). Архимандрит Аввакум (Честной) – миссионер, дипломат, востоковед // Альфа и Омега. 2002. № 34; 2003. № 35. URL: <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (дата обращения: 03.12.2019). [Archimandrite Augustine (Nikitin). Archimandrite Avvakum (Chestnoy) – missionary, diplomat, orientalist. *Alpha and Omega*. 2002. No. 34; 2003, No. 35. URL: <https://www.pravmir.ru/archimandrit-avvakum-chestnoy-missioner-diplomat-vostokoved/> (date of access: 03.12.2019) (In Rus.)]
2. Егорова И.П. Народный характер в изображении Л.Н. Толстого и И.А. Гончарова. (Ранние рассказы Толстого, сибирские страницы «Фрегата “Паллада”» Гончарова) // Поэтика изображения народного характера в русской литературе второй половины XIX в.: Сб. научных трудов / Отв. ред. Г.Е. Гюбиева. Хабаровск, 1983. С. 13–23. [Egorova I.P. Folk character in the image of L.N. Tolstoy and I.A. Goncharov. (Tolstoy's early stories, Siberian pages of "Frigate 'Pallada' " by Goncharov). *Poetika izobrazheniya narodnogo haraktera v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.* G.E. Gyubieva (ed.). Khabarovsk, 1983. Pp. 13–23. (In Rus.)]
3. Жиякова Э.М. И.А. Гончаров и Вальтер Скотт. (Некоторые наблюдения) // Проблема метода и жанра. Вып. 13. Томск, 1986. С. 197–214.

- [Zhilyakova E.M. I.A. Goncharov and Walter Scott. (Some observations). *Problema metoda i zhanra*. Issue 13. Tomsk, 1986. Pp. 197–214. (In Rus.)]
4. Зайденшнур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство. Т. 94. Первая завершенная редакция романа «Война и мир» / Подгот. к изд. и вступ. ст. Э.Е. Зайденшнур. М., 1983. С. 9–66. [Zaydenshnur E.E. How the first edition of the novel “War and Peace” was created. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 94. The first completed edition of the romance “War and Peace”. E.E. Zaydenshnur (ed.). Moscow, 1983. Pp. 9–66. (In Rus.)]
  5. Зинина М.В. Образ Англии в творческом сознании Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 173–179. [Zinina M.V. Image of England in the creative mind of N.V. Gogol. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016. No. 8 (112). Pp. 173–179. (In Rus.)]
  6. Золотусский И.[П.] Гоголь в Диканьке. М., 2007. [Zolotusskiy I. Gogol v Dikanke [Gogol in Dikanka]. Moscow, 2007.]
  7. Курило С.А. Космо-Психо-Логос Англии в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 9–16. [Kurilo S.A. Cosmo-Psycho-Logos of England in the book of I.A. Goncharov “Frigate ‘Pallada’ ”. *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 422. Pp. 9–16. (In Rus.)]
  8. Курило С.А. Тема английского и российского империализма в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Томского государственного университета, 2018. № 434. С. 19–29. [Kurilo S.A. The theme of English and Russian imperialism in the book by I.A. Goncharov “Frigate ‘Pallada’ ”. *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 434. Pp. 19–29. (In Rus.)]
  9. Михельсон В.А. Гуманизм И.А. Гончарова и колониальный вопрос. Краснодар, 1965. [Mikhelson V.A. Gumanizm I.A. Goncharova i kolonialnyy vopros [I.A. Goncharovs humanism and the colonial question]. Krasnodar, 1965. (In Rus.)]
  10. Орлов А.А. Н.В. Гоголь об Англии и англичанах // История. 2019. Т. 10. Вып. 12 (86). Диалог и противостояние Запада и России. История и современность. URL: <https://history.jes.su/s207987840008211-1-1/> (дата обращения: 18.02.2020). [Orlov A.A. Nikolay Gogol about England and the English. *Istoriya*. 2019. Vol. 10. Issue 12 (86). Dialogue and confrontation between the West and Russia. History and modernity. URL: <https://history.jes.su/s207987840008211-1-1/> (date accessed: 18.02.2020). (In Rus.)]
  11. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. [Orlov A.A. Soyuz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskiye otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn [The alliance of St. Petersburg and London. The Russian-British relations during an epoch of Napoleonic Wars]. Moscow, 2005. (In Rus.)]
  12. Рассел Дж.Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества / Пер. с англ. И.Ю. Ларионова. СПб., 2002. [Russell J.B. Knyaz tmy. Dobro i zlo v istorii chelovechestva [The Prince of Darkness: Radical evil and the power of good in history]. St. Petersburg, 2002.]
  13. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. [Stanislavskaya A.M. Russko-angliyskiye

- otnosheniya i problem Sredizemnomorya (1798–1807 gg.) [Russian-English relations and problems of the Mediterranean (1798–1807)]. Moscow, 1962.]
14. Файф Ч.А. История Европы XIX в.: В 3-х т. / Пер. М.В. Лучицкой; Под ред. И.В. Лучицкого. Т. 1. С 1792 по 1814 г. М., 1889. [Fyffe С.А. Istoriya Evropy XIX v. [A History of Modern Europe]. Vol. I. From the outbreak of the Revolutionary War in 1792 to the accession of Louis XVIII in 1814. St. Petersburg, 1889.]
  15. Чуковский К.[И.] Дружинин и Лев Толстой // Чуковский К.[И.] Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Люди и книги. М., 1967. Ч. 1. С. 55–125. [Chukovskiy K.[I.] Druzhinin and Leo Tolstoy. *Chukovskiy K.[I.] Sobraniye sochineniy v 6 t.* Vol. 5. People and books. Moscow, 1967. Part 1. Pp. 55–125. (In Rus.)]
  16. Kleespies I. Russia Wild East? Domesticating Syberia in Ivan Goncharov's "The Frigate Pallada". *Slavic and East European Journal*. Spring 2012. Vol. 56. № 1. Pp. 21–37.
  17. Tyler A. If it's not Russian, he hates it. *The New York Times Book Review*. 1987. Sept. 20. Section 7. P. 9.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021, принята к публикации 28.11.2021
The article was received on 21.10.2021, accepted for publication 28.11.2021

Сведения об авторе / About the autor

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: arkigolkin@yandex.ru